Split by PDF Splitter

индивидного заключен не только субъективный смысл деятельности, но и ее перформативный характер.

[11] Этот подход характеризуется его сторонниками как утопичный (в частности, П. Бурдье пишет об объективации как утопии, Э. Гидденс об утопическом реализме, т. е. сочетании этической утопии общества, конструируемого самими людьми, и изучения институциональных условий этого воспроизводства общества). Но в этом случае в понятии утопии подчеркивается не попытка тотального совмещения теоретического проекта модернизации с практическим социальным контекстом, а обнаружение средствами самой теории ее связи с социальным контекстом. Создаваемая теория начинает рассматриваться как способ коммуникации, способ выражения определенного понимания социального процесса и возможность включения иных точек зрения.

[12] Возникает проблема такой трансформации общества, при которой не происходит катастрофического разрушения сложившихся институтов по мере индивидуализации социальных процессов; проблема сосуществования обществ с различной степенью открытости возможностей социальных изменений для вовлеченных индивидов.

Рукопись поступила в редакцию 24 декабря 2007 г.

Р. И. Вылков

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И МОДЕЛИ БУДУЩЕГО

В статье рассматриваются пять методологических подходов к прогнозированию будущего: модернизация, теория «столкновения цивилизаций», глобализация, программа «Устойчивое развитие» и концепция постиндустриального общества. Делается вывод о том, что глобализация не является наиболее вероятным сценарием развития современного общества.

Основной, повторяющийся на разные лады тезис многочисленных дискуссий последнего десятилетия — «глобальный характер перемен», переживаемых человечеством, «глобальная революция», разворачивающаяся в мире, сам по себе стал уже в достаточной мере тривиальным. Подобная констатация является лишь формальной характеристикой тех проблем, которые связаны с анализом внутренней логики происходящих перемен.

Цель данной статьи состоит в демонстрации того, что глобализация не является наиболее вероятным сценарием развития современного общества. Для этого нужно, во-первых, кратко зафиксировать основные современные тенденции; во-вторых, определить логические отношения теории глобализации к родственной ей концепции модернизации и идее «столкновения цивилизаций»; в-третьих, рассмотреть некоторые альтернативные подходы и показать их большую эвристическую эффективность.

Новая система развивается одновременно на локальном и глобальном уровнях. Современные технологии позволяют осуществлять на локальном

© Р. И. Вылков, 2008

Split by PDF Splitter

уровне то, что в прежние времена можно было сделать только на уровне государственной экономики. Одновременно многие функции, преодолевая национальные границы, интегрируются в едином глобальном производственном процессе. Полностью изменилась сущность взаимосвязи между мировыми корпорациями и национальными правительствами в пользу первых. Вместе с тем процесс разукрупнения производства и экономической интеграции на мировом уровне значительно обгоняет аналогичное переструктурирование власти: децентрализация государственной власти и формирование наднациональной управленческой структуры реализованы только в Европейском сообществе. Одной из важных причин резкой неравномерности глобальных политических процессов стали экономические кризисы 90-х гг. прошлого столетия, произошедшие в разных регионах планеты, так как они поставили под вопрос саму возможность создания в ближайшем будущем других наднациональных политических объединений.

На уровне индивидов большинство негативных тенденций связано с одним побудительным мотивом — потребительством. Современная жизнь идет пока явно вопреки предсказаниям постиндустриальных теорий: знание не только не замещает товарные отношения, но и само все в большей степени становится товаром. Мир компьютеров, роботов, точнейших приборов заражен вирусом приобретательства, лихорадочной погони за прибылью. Произошло взаимопроникновение двух форм кризиса: «“Технический человек” в своей завершающей мегафазе обрел способность тотального разрушения природной среды. “Экономический человек” в своей постпроизводительной фазе способен тотально подорвать морально-социальные опоры цивилизованного существования. Он существует в цивилизованных формах до тех пор, пока еще не иссякли внеэкономические мотивы его социального поведения»[1].

Ранее культурный горизонт общества обязательно очерчивался неким «большим смыслом», а человеческая практика базировалась на той или иной форме взаимного доверия. Здесь есть одна существенная тонкость: пространство финансовых операций в значительной мере лежит именно в области доверия к существующему порядку вещей. Таким образом, во фрагментации и аннигиляции современного социального горизонта заключается коренное различие между традиционной архаикой прошлого и грядущими примитивами общества XXI в.

Антисистемные тенденции всегда присутствовали в человеческом сообществе. Нам важно в данном случае подчеркнуть их онтологическую специфику: раньше они были маргинальной изнанкой цивилизации, в том числе не в последнюю очередь в общественном сознании. Сейчас же ситуация в значительной мере изменилась. В настоящее время грань между «человеком на все времена» и «отбросами общества» если и не стирается совсем, то становится зыбкой и весьма условной. И одновременно антисистемные тенденции сами организуются в единую мощную систему.

Split by PDF Splitter

Чем объяснить указанные выше несоответствия между логикой проектирования постиндустриального общества и действительностью? Технологические достижения в очередной раз обгоняют развитие политических институтов и социально-экономических отношений: в XX в. достижениями индустриальной эпохи попытались воспользоваться в своих корыстных целях властвующие элиты — результатом были две мировые войны и тоталитарные режимы. Очевидно, что это предположение является поверхностным и недостаточно обоснованным.

Идеальное реконструирование мира должно исходить из четко определенных предпосылок. До сих пор имеет влияние методологическая установка, согласно которой существуют принципиальная свобода выбора между разными языками описания и равное достоинство различных теоретических реконструкций мира. Однако крайне нежелательно придавать безусловный онтологический статус этому постмодернистскому постулату: релятивизация истины в качестве норматива теоретизирования приводит к невозможности строгого различения между истиной и ложью, что для научного дискурса недопустимо.

Рост потребления значительного большинства людей в развитых странах во второй половине XX в. позволил сформироваться широкому социальному слою, который впоследствии стал основой постиндустриального общества. Но сегодня видны объективные пределы роста потребления, о чем уже давно говорят многие ученые. Кроме того, незападные общества не смогут догнать Запад по уровню потребления из-за ограниченности мировых ресурсов. Следует ли из этого, что соответствующие тенденции, которые в значительной степени могли бы оказать помощь в решении нынешних глобальных вопросов, потеряют свое значение?

Сформулируем проблему в более общем виде: какие методологические основания позволят корректно предвидеть последствия самых значимых современных трендов и на основе этого смогут предоставить нам наиболее адекватную картину будущего как в ближайшей, так и в среднесрочной перспективе? Ответ на этот вопрос не может быть строго однозначным: даже при наличии знания об основополагающих тенденциях развития общества можно создать несколько равновероятных сценариев будущего. Только ретроспективно рассматривая последовательность исторических событий, мы можем выяснить причины, почему один из сценариев будущего оказался более предпочтительным, чем все остальные. Однако в процессе прогнозирования никто не может «знать» будущее в каком-то абсолютном смысле: «Мы можем только систематизировать и углублять наши предположения и пытаться приписать им вероятность. Но даже это трудно. Попытки предсказать будущее неизбежно изменяют его. В то же время, стоит предсказанию распространиться, как сам акт распространения, в противоположность изучению, также порождает изменения»[2].

Split by PDF Splitter

Для решения поставленной выше проблемы необходимо рассмотреть соотношение программы модернизации, теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, проекта глобализации, программы «Устойчивое развитие» (учитывая ее эволюцию от футурологии к глобалистике и альтернативистике) и концепции постиндустриального общества.

Во второй половине XIX в. открытие социального неравенства и требование равенства были осмыслены как часть грандиозного духовного переворота того времени, положившего начало культурной эпохе модерна. В дальнейшем программа критики догм и самоосуществления разума в истории получила несколько высокопарное название — «модернистский проект». С определенной долей уверенности можно сказать, что наука, искусство, мораль, индустрия, свобода, демократия, прогресс и другие достижения западной цивилизации являются результатом реализации этого проекта.

Примерно с середины XX столетия концепция индустриальной модернизации (и вестернизации) выступает в качестве прикладного варианта универсальной теории социальной эволюции: «Определенные характерные черты западных обществ, прежде всего их экономической и политической организации (например, рыночная экономика), объявляются эволюционными универсалиями. В результате модернистский проект и теория модерна обретают нормативный характер»[3]. До конца 80-х гг. прошлого века концепция модернизации в целом принималась большинством исследователей. Последней значимой теоретической разработкой в этом ряду можно считать размышления Ф. Фукуямы о «конце истории», однако бурные события первой половины 90-х гг. довольно быстро опровергли упомянутую теорию.

В течение последних пятнадцати лет западные ценности вряд ли считаются универсальными, а модернизация уже не является синонимом вестернизации. Сейчас вполне вероятен возврат наций к домодернизационным культурным кодам, поскольку кризис коллективной идентичности[4], вызванный вестернизацией, может быть преодолен посредством массовой переориентации на прежние ценности, характерные для традиционного общества. Кроме того, возможен и другой сценарий развития событий — сочетание западных технологических достижений и собственных культурных установок (наиболее показательный пример — Япония).

Указанные сдвиги делают нетривиальной саму проблему методологического обоснования поиска путей в будущее: либо перебирать варианты, которые уже апробированы в опыте Запада за последние 150 лет, либо исследовать другие типы цивилизационного развития (в том числе выяснить возможности и границы их взаимодействия).

С. Хантингтон, выполняя социальный заказ американской государственной администрации, предложил третий вариант решения этой проблемы. На основе анализа краткосрочных тенденций он разработал доктрину «столкновения цивилизаций»: «Основным источником конфликтов будет уже не

Split by PDF Splitter

идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям»[5].

Принципиальный методологический недостаток концепции С. Хантингтона состоит в отсутствии четких критериев прогнозирования, поэтому из «переплетения» краткосрочных тенденций можно вполне обоснованно вывести диаметрально противоположные заключения. Кроме того, межцивилизационным столкновениям может препятствовать взаимная вражда стран одной и той же цивилизации. Наиболее устойчивыми перед ударами истории оказываются коллективы, основанные на трех компонентах единого опыта: «1) ощущение продолжения опыта наследующими друг друга поколениями; 2) общая память об особых событиях и исторических персонажах, знаменующих собой поворотные пункты коллективной истории; 3) чувство общей судьбы у тех, кто разделяет единый опыт»[6]. На нынешнем этапе особенно мощно эти характеристики проявляются у наций.

Важно подчеркнуть, что идеологическая процедура конструирования образа врага выступает базовым средством легитимации любого противостояния государств. В свое время К. Шмитт указывал, что логическая фигура врага приобретает свою перформативную силу только в том случае, если данную фигуру удается наделить конкретными ощутимыми особенностями. К. Шмитт называет это связующее звено «политической силой воображения», проводя аналогию с функцией кантианской категории трансцендентальной силы воображения в процессе познания[7].

Однако даже в тех редких случаях, которые отчасти соответствуют определению «столкновения цивилизаций» (Босния и Косово, юг Судана и т. д.), легко заметить влияние глобальных экономических интересов. Кроме того, самые чудовищные случаи резни (в Руанде, Конго и Сьерра-Леоне) имели место в рамках одной и той же «цивилизации». Итак, необходимо согласиться со следующим выводом С. Жижека: «Псевдонатурализованные этнорелигиозные конфликты — это форма борьбы, соответствующая глобальному капитализму: в нашу эпоху “постполитики”... единственным оставшимся легитимным источником конфликтов становится культурная (этническая, религиозная) напряженность»[8].

Следовательно, вывод о невозможности существования гомогенного универсального культурного поля очевиден: универсальность, т. е. общее пространство понимания между различными культурами, должна восприниматься как бесконечная задача перевода, постоянной переработки содержания своей культуры. Однако данное утверждение нельзя рассматривать в одном ряду с проблемой идеологической универсальности «мирового сообщества» (универсальными правами человека, экономической политикой

Split by PDF Splitter

Международного валютного фонда и т. п.), поскольку последняя зависит прежде всего от геополитических и геоэкономических перемен.

Таким образом, несмотря на культурные особенности, присущие всем субъектам международных отношений, их действительная универсальность принципиально определяется общим антагонизмом. Как известно, в третьем томе «Капитала» К. Маркс приводит определение логико-исторического предела капитализма: «Настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал...»[9] Данная дефиниция может толковаться двояко. Во-первых, с точки зрения широко распространенного эволюционистского подхода капиталистические производственные отношения, в прошлом сделавшие возможным быстрое развитие производительных сил, с некоторого времени становятся препятствием их дальнейшего прогресса. Если эти силы переросли свои рамки, то им теперь должны соответствовать новые общественные отношения.

Второй подход представляет С. Жижек: «Допустим, что периоды "спокойствия", когда процесс общественного производства протекает плавно и равномерно, действительно сменяются периодами потрясений, когда противоречия между производительными силами и производственными отношениями усугубляют друг друга. Но дело в том, что это противоречие, эта дисгармония между силами и отношениями *входит в само понятие капитализма*»[10]. Именно по этой причине определение капитала как собственного предела не следует понимать с позиций эволюционизма. «Нормальное» состояние капитализма — это непрерывная революционизация собственных условий существования.

Последний тезис в целом представляется верным, но при этом нужно выяснить качественную специфику происходящих социально-экономических перемен. Указанную задачу в 90-х гг. XX в. исследователи (М. Уолтерс, Р. Робертсон, М. Элброу, П. Диккен и др.) попытались решить в рамках концепции глобализации. Этим термином стали обозначать совокупность самых важных общемировых тенденций, которые неявно рассматривались как качественно новый уровень, достигнутый западной цивилизацией. Главные условия быстрого распространения концепции глобализации — экономический подъем США и ЕС, распад Советского Союза и современная социокультурная взаимозависимость отдельных стран, в результате чего препятствия для инвестиционных, информационных и технологических нововведений были в основном устранены.

Согласно данной теории сейчас в мире параллельно с формированием единого глобального производственного процесса происходят децентрализация государственной власти и формирование наднациональных управленческих структур. Помимо этого тезиса популярность идей глобализации, как полагает В. Л. Иноземцев, обеспечивается тремя разнопорядковыми факторами: «ростом экономического могущества западного мира... в условиях зрелого постиндустриального строя; активной экспансией поли-

Split by PDF Splitter

тических и идеологических парадигм Запада в направлении стран бывшего коммунистического блока, а также стран Азии и Латинской Америки; несколько инфантильным увлечением западного общества культурными традициями стран периферии»[11].

Однако в течение последнего десятилетия широкое применение концепции глобализации выявило ее серьезные недостатки. З. Бауман по этому поводу пишет следующее: «Концепция “глобализации” была создана для того, чтобы заменить прежнюю концепцию “универсализации”, когда стало ясно, что установление глобальных связей и сетей не имеет ничего общего с преднамеренностью и контролируемостью, подразумевавшимися ею. Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными»[12].

Более того, процесс глобализации позиционируется его сторонниками в качестве всеобъемлющего, так как под него они могут подвести практически любое событие в рамках социальной динамики. Это ведет к тому, что сущность глобализации практически не поддается четкому определению. Таким образом, теория глобализации представляет собой идеологический инструмент, обосновывающий становление однополюсного мира как единственно справедливого мирового порядка.

Другой, не менее влиятельный методологический подход к изучению будущего (впоследствии получивший название программы «Устойчивое развитие») начал формироваться гораздо раньше — в середине 60-х гг. прошлого века. Эти исследования стремились научно обосновать способность капиталистического мира к саморазвитию на основе внутренних ресурсов, поэтому значение результатов данной программы для понимания современных мировых трендов трудно переоценить. Три ее основных этапа — это футурология, глобалистика и альтернативистика.

Задача футурологии заключается в предсказании структурных элементов исторического процесса. Она должна выводить будущие структуры из современных в соответствии с определенными принципами. Но здесь есть существенная трудность: для выполнения этой задачи необходимо заранее знать время жизни системы, однако научные предсказания такого рода невозможны.

Самым важным достижением футурологии является сочетание генетического подхода (экстраполяция существующих тенденций и анализ получаемых моделей, трендов) и телеологического (оптимизация трендов по заранее данным критериям для нахождения путей решения проблем, выявленных генетическим подходом). Можно выделить в особую группу двух неклассических футурологов — Э. Тоффлера и Дж. Нейсбита. Методологическая основа их работ состоит в переходе от экстраполяции тенденций к целенаправленному конструированию желаемого мироустройства.

Концептуальный предел развития футурологии раньше упомянутых авторов поставил С. Лем в своем монументальном труде «Сумма техноло-

Split by PDF Splitter

гии». Польский ученый провел уникальный для того времени технологический анализ цивилизаций и попытался сформулировать фундаментальные цивилизационные тренды. Тем самым он задал совершенно новый масштаб исследований: достижение будущего есть технологический (в широком смысле этого слова) процесс.

В 70-х и 80-х гг. XX в. мощно заявила о себе глобалистика — первый междисциплинарный подход к предсказанию будущего. За четверть века исследователями из 52 стран по инициативе Римского клуба было подготовлено около 20 докладов по глобальной тематике. При создании этой международной организации в 1968 г. был определен круг ее основных задач: 1) разработка сценариев будущего и поиск альтернативных решений глобальных проблем современности; 2) помощь широкой общественности в осознании значимости перспектив и сложности социальных последствий научно-технического, промышленного и экономического развития в мире; 3) содействие установлению новых отношений, которые необходимы для предотвращения глобальной катастрофы.

В 1972 г. публикация «Пределов роста», первого доклада Римского клуба, произвела сенсацию. Доклад был подготовлен сотрудниками Массачусетского технологического института (МТИ) под руководством Д. Медоуза в рамках проекта «Сложное положение человечества». Предложенная этой группой модель развития нашей цивилизации касалась четырех переменных — инвестирования, роста населения, истощения природных ресурсов и продовольствия. С помощью этой модели американские ученые составили долгосрочные прогнозы на 20, 50 и 100 лет при условии сохранения существовавших темпов роста производства.

Согласно этому прогнозу человечество уверенно идет навстречу глобальной катастрофе. Если современные темпы роста мирового населения, производства, потребления продовольствия и загрязнения окружающей среды останутся неизменными, то пределы роста на планете будут достигнуты в течение 100 лет[13]. Наиболее вероятным следствием этого будет довольно резкий и неконтролируемый упадок численности населения и производственных мощностей.

Полученные выводы вызвали множество критических дискуссий. Долгое время результаты этого доклада Римского клуба необоснованно рассматривались в качестве неизбежного сценария будущего. Многие ученые до сих пор считают, что авторы «Пределов роста» серьезно недооценивали возможности технических инноваций для решения глобальных проблем современности. Однако основной недостаток данной модели, по мнению ее создателей, заключался в другом — в невозможности выявления с ее помощью побочных эффектов новых технологий. Таким образом, американские ученые четко осознавали, что метод экстраполяции существующих тенденций явно недостаточен для подготовки долгосрочных глобальных прогнозов.

Split by PDF Splitter

Последующие доклады Римского клуба существенно конкретизировали постановку глобальных проблем современности по многочисленным аспектам. Не подвергая сомнению тактическую значимость этих исследований, следует подчеркнуть, что в стратегическом плане глобалистика реализовала только первую и частично вторую из трех приведенных выше задач.

В конце 80-х гг. прошлого века оформился новый междисциплинарный подход — альтернативистика, который объединил в себе методологические преимущества неклассической футурологии и глобалистики для целенаправленного построения альтернативной цивилизации. Сущность последней выражена в следующих пяти тезисах: «низкоэнергетическая (в смысле экономичности потребления энергии), высокоустойчивая (в смысле восстановления глобальных балансов, на которых зиждется человечество), экологически чистая, полностью демилитаризованная и подлинно человечная»[14].

Таким образом, в 80-е гг. XX в. в рамках программы «устойчивого развития» исследовательская мысль незаметно для себя самой отказалась от обычного способа предсказывания будущего (анализ трендов и их последующая оптимизация по определенным критериям) в пользу сопоставления различных типов цивилизационного развития.

В 1973 г. Д. Белл, анализируя тенденции развития стран-лидеров индустриального мира, предложил теорию постиндустриального общества. Американский футуролог предсказал, что основными характеристиками новой стадии истории будут следующие: доминирование сферы услуг и наукоемких отраслей промышленности, применение метатехнологий (планирование контролируемого технологического развития), компьютерная обработка информации и производство теоретического знания.

В 90-е гг. XX в. стало очевидным, что реальные признаки постиндустриального общества существенно отличаются от первоначальных прогнозов. Обычно указывают три параметра этих расхождений: 1) главную роль играет не содержание информации, а способы ее доставки потребителю посредством средств массовой коммуникации; 2) основанием нового социального неравенства становится не уровень знания, а возможности доступа к информации; 3) вместо алгоритмизации социальных процессов наблюдается перманентное усиление иррациональных аспектов социальных взаимодействий.

Концепция постиндустриального общества Д. Белла и формационная теория К. Маркса основаны на констатации одних и тех же тенденций: превращение науки в непосредственную производительную силу, сокращение совокупного рабочего времени труда в материальном производстве и расширение сферы интеллектуальной, творческой деятельности. В первой из этих теорий смена исторических стадий обусловлена технологическими изменениями, а во второй — экономическими, но обе они основываются на принципах максимального удовлетворения материальных потребностей людей. С позиции В. Л. Иноземцева, в 90-е гг. XX столетия вместо глобали-

Split by PDF Splitter

зации следует говорить о начале перехода от капиталистической мировой экономики к совершенно иной, постэкономической системе общественного устройства, когда на первый план выходит стремление человека к самореализации и самосовершенствованию.

Весьма важные методологические варианты выхода за пределы как концепции постиндустриального общества, так и глобализации представили В. С. Степин и Н. Н. Моисеев. Они оба предлагают исследовать специфику типов цивилизационного развития, возможности и границы их взаимодействия. В. С. Степин подразделяет все цивилизации на традиционные и техногенную. Для первых характерны низкие темпы социальных изменений на протяжении столетий; ориентация на традиции и нормы, фиксировавшие опыт предков; активность человека была направлена на созерцание внутреннего мира, а природа рассматривалась как организм.

Техногенная цивилизация (прежде всего Западная Европа и США) определяется принципиально иными основаниями: высокими темпами социальных изменений на протяжении жизни каждого поколения; идеалом творческой и автономной личности; взаимосвязанным и постоянно ускоряющимся развитием науки и техники, направленным на покорение природы с целью обеспечения наиболее комфортного существования людей; принудительным перестраиванием традиционных обществ по своему образцу. В. С. Степин считает, что во второй половине XX в. произошел переход от индустриальной стадии техногенной цивилизации к постиндустриальной. Несмотря на это, по его мнению, для успешного решения современных глобальных проблем нужно радикально изменить систему ценностей техногенной цивилизации или ожидать появления совершенно иного по своим ценностным ориентациям типа цивилизационного развития.

Н. Н. Моисеев в целом принимает характеристику современного общества как постиндустриального, но вместе с тем выдвигает тезис об исчерпанности потенциала постиндустриальных тенденций и необходимости перехода к другой стратегии цивилизационного развития — информационному обществу. Последнее Н. Н. Моисеев интерпретирует как объединение Коллективного Разума (общепланетарной системы управления, подобной ноосфере В. И. Вернадского) и программы «устойчивого развития», поскольку любые локальные решения глобальных проблем человечества обречены на провал. Этот исследователь настаивает на переосмыслении дихотомии «традиционные/техногенные цивилизации» и выяснении специфики постиндустриально-трансформированных традиционных обществ (Японии, Кореи и Тайваня) с целью построения системы параллельного взаимовыгодного сосуществования нескольких сценариев постиндустриального развития[15].

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня начинают конкурировать две основные версии постиндустриального общества. В первой из них оно понимается как новый этап техногенной цивилизации, во второй — как

Split by PDF Splitter

начало совершенно иной по своим ценностным ориентациям стратегии технологического развития. Вместе с тем *система* самых важных принципов нового мирового порядка оказывается для нас непонятной: «Стремительно формируется “однополюсный” мир, разрыв между отдельными регионами быстро растет, а непредсказуемость хозяйственных процессов превосходит, пожалуй, лишь непредсказуемость их оценок экономистами и социологами»[16]. В этих условиях особенно опасным становится рассмотрение любого глобального социального прогноза в качестве некоторого набора технократических алгоритмов социальной инженерии, которые обычно выстраиваются по аналогии с техническим проектом простой машины. В конечном счете задача создания целостной концепции происходящих перемен по-прежнему остается весьма актуальной.

---

[1] *Панарин А. С.* Двуполушарная система мира: переосмысление дихотомии «Восток — Запад» // Глобальное сообщество: Новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000. С. 160.

[2] *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997. С. 377.

[3] *Ионин Л. Г.* Социология культуры: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 1998. С. 238.

[4] См.: *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопр. философии. 1994. № 10. С. 121.

[5] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33.

[6] *Уткин А. И.* Мировой порядок XXI века. М., 2001. С. 125.

[7] См.: *Магун А. В.* Новый строй: Карл Шмитт как диагност современного кризиса в мировой политике // Полис. 2003. № 2. С. 117.

[8] *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального / Пер. с англ. А. Смирнова. М., 2002. С. 149.

[9] *Маркс К.* Капитал // Избр. соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 7. С. 74.

[10] *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. М., 1999. С. 59.

[11] *Иноземцев В. Л.* Расколотая цивилизация. М., 1999. С. 587.

[12] *Бауман З.* Индивидуализированное общество: Пер. с англ. М., 2002. С. 37–38.

[13] См.: *Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рендерс Й.* Пределы роста: Докл. по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». М., 1991. С. 8.

[14] *Бестужев-Лада И. В.* Альтернативная цивилизация. Единственное спасение человечества. М., 1998. С. 51.

[15] См.: *Моисеев Н. Н.* Информационное общество: возможность и реальность // Информационное общество: Сб. М., 2004. С. 428–451.

[16] *Иноземцев В. Л.* Указ. соч. С. 613.

Рукопись поступила в редакцию 3 июля 2007 г.